

Таких в монастыри ссылали и на кострах высоких жгли...

ВСЛЕД ЗА ШУМНЫМ ОТДЫХОМ НА ЦАРСКИХ ДАЧАХ СВИТА ПОЛУЧИЛА ПРИКАЗ ВОЗВРАЩАТЬСЯ В ПЕТЕРБУРГ

Катя не без удовольствия подводила итоги искрометного лета. Скандалы скандалами, но ее да и престолонаследника они, слава богу, не затронули. Все беды и невзгоды прошлестели мимо. Удалось наладить — пусть мимолетно! — связь с матерью в Штеттине. Собственно-ручное письмо Фике — впервые за три года — отправилось за кордон, в Европу. Впрочем, туда улетела не только «секретка», брошенная в карман виолончелиста д'Ололио. Гость из Варшавы — мессир Сакромозо — попросил дать дополнительные, подробные ответы, и великая княгиня, опасаясь каких-либо подозрений со стороны придворных чинов, переслала бумаги тем же манером через другого концертного исполнителя — контрабасиста Гаспары. И опять — благоуспешно...

А ПОСЛЕ — БЕГСТВО В ТЕМНОТУ...

Монаршее распоряжение об отъезде Екатерины восприняла с нескрываемой радостью. Фонтанный рай стал тяготить ее: помимо прочего, настораживало техническое состояние Верхних палат. Балки явно прогнили, а полы тряслись даже при легких шагах. На память приходили недавние гостилицкие кошмары и опечатанная дверь в Ораниенбаумском дворце князя Меншикова. Фике вызвала заведующего петергофскими постройками генерал-аншефа Виллима Фермора и пожаловалась на бытовые неудобства. Граф произвел тщательный осмотр покоев, и ревизия подтвердила тревожные догадки.

Конечно, не ремонтные пробелы оказались первопричиной быстрой ретирады на берега Невы. Елизавета Петровна преследовала свою цель — поскорее и без лишних хлопот удалить крепко погрешившую Марию Кошелеву. Непутевой фрейлине повелели ехать в столицу вместе с тетушкой, гофмаршалшей Дарьей Шепелевой (родной сестрой Машиной матери, Маргариты Ивановны), а заодно — по мужу — тетей елизаветинской фаворитки Мавры Шуваловой. Но графиня Мавра Егоровна откровенно презирала эту генеалогию, считая сих свойственников людьми недалекими и худородными. Судачили, будто сестры Дарья Шепелева и Маргарита Кошелева (в девичестве Глюк) были женщинами шведско-финского корня и при завоевании Петром Финляндии угодили во дворец, дабы стирать белье отпрыскам строгого Преобразователя. Потом плен-

ницам дозволили подметать комнаты и произвели их в горничные. Впоследствии обе вышли замуж: Даша — за петровского денщика Дмитрия Шепелева (позднее обер-гофмаршала), а Рита — за конюшего (унтер-штальмейстера) Екатерины I Иродиона Кошелева, получившего годы спустя мундир генерал-лейтенанта.

Могучий венценосец приставил этих служилых к родне своей не зело знатной супруги Екатерины Алексеевны, чьи братья и сестры тихо и без претензий коротали век под благословенным небом Царского Села. Лишь по смерти Петра обнаружилось, что у его вдовы есть близкие, которых, увы, нельзя — по пьянству и невежеству — допускать в большой свет. Ну и что было ждать, побарабанила пальцами Катя, от тех, кто часто и много общался с таким сбродом и передал богатый житейский опыт подраставшим детишкам вроде Машеньки Кошелевой?

ЛЮДСКИХ СУДЁБ КОЛОВОРОТ...

Нужно признать: драматический жест, на который решились супруги Чоглоковы — совместное коленипреклонение пред светлым ликом обожаемой монархини, — помог их семейной лодке выплыть из гиблого омута. Сладкая парочка удержалась на своих местах, хотя и утратила прежний почет. Однако злоключения геройского клана на этом не завершились. Примерно в то же время вспыхнула горячая распря в чертогах Марфы Сафоновой — ненаглядной сестрички Марии Симоновны. Той фрейлины, которая прошлой осенью бракосочеталась с гвардейцем Михаилом Сафоновым, возведенным после свадьбы в ранг камер-юнкера. Но стоило молодоженам обменяться венчальными кольцами, как начались какие-то чудеса в решетке.

Почти сразу Марфа стала напештывать сестре о дурном нраве своего суженого. Он-де пристегивает ее к кровати, бьет ремнем и поносит бранными словами. Мария, по свойству характера, поспешила к императрице. Та не на шутку разгневалась: изругав и отхлестав по щекам стоявшего навтыжку Сафонов, она заточила бедолагу в Петропавловскую крепость, где удалец протомился весьма долгий срок. Сего отрезка хватило, чтобы одинокая (но беременная!) Марфа, родив полусиротское чадо, нашла приют под кровом своей жалостливой сестрицы. А затем истово била челом государыне-кузине, моля вернуть ей возлюбленного супруга. Елизавета Петровна, поразмыслив, сменила гнев на милость. «Палача» передали «жертве»,

«Венчаю крылатую любимицу Зевсову...» Императрица Елизавета Петровна. За спиной — бюст ее отца, Петра I. Художник Василий Верещагин. Конец XIX века.

и они — в дружном порыве — учинили подлинный демографический бум, произведя многочисленное потомство, не посрамившее, по оценке Фике, ни доблести отца, ни чести матери. Так в домах обеих сестер установился, с монаршей помощью, прочный мир...

ВОЗМОЖНА ЛИ ЖЕНЩИНЕ МЕРТВОЙ ХВАЛА?

По возвращении свита расположилась в деревянном Летнем дворце, среди прекрасных Царских садов. И Катя, лежа на софе, подумала, что богопоставленная царица, как к ней ни относиться, умеет прощать — во всяком случае, бытовые склоки. Суровый батюшка поступал иначе.

...Лет сорок назад при дворе появилась некая юная и игривая сальфидка с романтическим именем Мария Гамильтон. Появилась не случайно: ее шотландский род осел на Руси еще при Иване Грозном. Сама дева приходилась двоюродной племянницей важной особе — шотландке Евдокии Григорьевне Гамильтон, жене знаменитого боярина Артамона Матвеева, который воспитывал когда-то будущую государыню Наталью Кирилловну Нарышкину. Мать Петра! Другая родственница броской и яркой Марии — тоже Мария (наверное, всех их нарекали по евангельской Магдалине), но Матвеева, в зрелом возрасте графиня Румянцова, статс-дама Фике, — была «в те годя, когда мы ездим в свет» метресой ненасытного Петра Алексеевича.

Не избежала столь счастливой участи и камер-фрейлина Екатерины I Мария Даниловна Гамильтон, или, как писали в тогдашних бумагах, Марья Гамонтова. Властелин охотно пользовался ее услугами, но, как нередко случалось с ним, вскоре охладел к бойкой чаровнице. Маша не растерялась: на горизонте замаячил ладный царский денщик Иван Орлов (быть может, старший «кровник» братьев Орловых, что гораздо позднее помогли Фике занять русский трон). Завязался новый роман. Правда, недолгий: Ваня гулял налево, и чтобы не угасить его пыл,

Мария одаривала неверного ухажера дорогими безделушками — теми, кои умыкала из ларцов и сундуков Екатерины I.

Неожиданно стал округляться живот. Две беременности прервали какими-то дьявольскими снадобьями. Зато с третьей вышла незадача: Маша не сумела определить, кто садовник грешного плода — Иван Орлов или Петр Романов, внезапно вспомнивший о своей давней лобушке. На сей раз травы и отравы не подействовали, и расторопная мамочка попросту задушила новорожденного мальчонку у себя в спальне. А конюх Василий, вынеся завернутое в одеяло тельце, кинул «поклажу» возле дворцового фонтана. Злодеяние скрыть не удалось. И Петр Алексеевич пришел в дикую ярость: ведь «эта стерва», чай, убила его дитя — его сына, кому он мог бы (поскольку жена всё не рожала жизнеспособных преемников) передать, при крайней необходимости, свое державное наследие.

Под пытками негодяйка созналась и в воровстве, и в душегубстве. Утром 14 марта 1719-го наряженную в белоснежное платье с черными лентами 25-летнюю Марью Гамонтову вывели на столичную Троицкую площадь. Подойдя к бывшей пассиве, повелитель попросил Марьюшку молиться на небесах за всех грешников, на земле остающихся. Потом, обняв и поцеловав нераскаянную блудницу, прошептал что-то обер-кнутмейстеру. И палач лихо снес прелестную головку с плеч. Снес милосердно — мечом, без восторга и плахи. Самодержец поднял ее из весен-

«Как дышит виноград на персях у нея...» Вакханалия. Живописец Петр Басин. 1827 год.

«Бледнеет грешница младая...» Мария Гамильтон перед казнью. Полотно Павла Сведомского. 1904 год.

ней грязи и, обернувшись к ошеломленному народу, прочел учебную лекцию по анатомии. «Вот она жила — дыхательный путь. Сия — сонная артерия. Тут — исток пищевода. А здесь — позвонки спинного мозга». И, съзнова обლობызав холодные уста, бросил мертвую плоть вниз, в слякоть. Широко перекрестился — и был таков. Да, всплеснула руками Катя, мерзавка она бесспорно, но... Лучше, ей-богу, жить при Елизавете, чем при Петре!